

Жаль только, что та любовница, что была третьей в их отношениях, продала меня, когда я ещё даже не помнил себя. Не знаю, убили ли её потом.

А в следующей жизни я взбесился, когда у меня собаку украли. Носился по всем улицам, искал — никто не помог, все только раздражались. Я решил, что у таких бессердечных уж точно руки нечисты, и начал каждого допрашивать. В итоге меня избили.

Похоже на самонаказание, но, наверное, сыграла роль жестокость, что накопилась за прошлые жизни. Я не выносил ни малейшей обиды, вот и взорвался из-за их отказа — они и получили повод меня побить. А потом ко мне вернулись воспоминания об убийствах, и я понял: я создан для этого.

Все они заслуживали смерти, разве нет?

А в этой жизни я родился уже с памятью — не всей, только об убийствах. Опыт четырёх жизней... Невероятно.

Но я встретил тебя. Ты вытащил меня, пока я ещё не погряз в этом полностью.

Однако желания пяти жизней мне не преодолеть. Каждую минуту я думаю, как бы убить, и мне кажется, что достойных смерти — слишком много.

Поэтому остаётся только убить себя, молясь, чтобы явиться к тебе в новом, чистом облике.

Авторское примечание:

Почему Сюй Юань родился с этими воспоминаниями, почему его тяга к убийству — не болезнь, а часть его сути, — всё это объяснится в главе. Что до точки зрения — это взгляд со стороны, но погружённый в восприятие Сюй Юаня. Это его опыт, его мысли, хоть и не все ему известные, — просто так история станет понятнее.

Авторское примечание:

Время действия — через несколько дней после возвращения Сюй Юаня.

Близилось время закрытия, но в дверь постучали.

— Извините, сегодня приём окончен, — сказал Пэн Цзэфэн.

Он собрал со стола документы пациентов и запер их в стеклянный шкаф сбоку. Туда он складывал материалы, которые часто использовал и которые не были слишком личными, а вот строго конфиденциальные уносил домой.

Немного упорядочив бумаги, он отложил карточку пациента, записанного на послезавтра.

Большинство записей на полке были сделаны Юй Фэном, пока Пэн Цзэфэн занимался Сюй Юанем. Всего набралось десять человек: трое, судя по всему, в относительно стабильном состоянии, ещё трое — с психическими отклонениями, а четверым требовалось долгосрочное наблюдение. Из этих четверых двое, похоже, страдали из-за путаницы в памяти, а один утверждал, что видит невидимых «существ».

На послезавтра была записана пациентка А.

Согласно документам, она считала, что у неё есть ребёнок — и он действительно был, — но

видела она его не так, как остальные. Она настаивала, что её видение — и есть её настоящий ребёнок, а то, что видят другие, — иллюзия.

Всё началось с того, что однажды она с грустью заметила: если бы у ребёнка были не её глаза, он не выглядел бы так обычно, ведь у отца глаза невероятно красивые. Окружающих это удивило — ребёнок был похож на куколку, почему же мать называет его «заурядным»? А она, в свою очередь, счела реакцию людей странной.

Сомнение укоренилось в обеих сторонах.

Потом это переросло в споры, а затем и в ссоры.

Каждая сторона была уверена, что проблема в другой. Но ни фотографии, ни рисунки, ни даже отражение в зеркале не совпадали с тем, что видела женщина. Она стала срывать, однако, взяв себя в руки, вновь заявляла: с ней всё в порядке, просто произошло нечто сверхъестественное.

Она обращалась и к даосским монахам, и к буддийским — некоторые действительно описывали ребёнка в точности как она, но лишь качали головами, говоря, что не должны вмешиваться, а кто-то и вовсе признавался в своём бессилии.

Родственники сочли их шарлатанами и записали женщину к психотерапевту.

Пэн Цзэфэн собрался было сесть и дочитать остальные истории, но посетитель не думал уходить.

— Вы записываетесь для родственника или друга? — спросил он.

— Нет, для себя, — ответил Гу Уюань.

Пэн Цзэфэн удивился: редко когда пациенты приходят сами, а те, кто приходит по своей воле, обычно оказываются сложными случаями...

— Вы не против поговорить за ужином? — предложил он.

— Благодарю вас, — сказал Гу Уюань и снова натянул только что снятые очки и маску.

— Хоть сейчас и зима, но, кажется, не настолько холодно? — заметил Пэн Цзэфэн.

Фраза прозвучала не слишком мягко, но ровный тон сгладил резкость, создав ощущение дружеского разговора.

— Возможно, вы меня не знаете, но у меня довольно много фанатов, — пояснил Гу Уюань.

— А, — кивнул Пэн Цзэфэн.

— Тогда можно будет взять отдельный кабинет?

— Конечно.

— Спасибо. Я включу это в дополнительные расходы на терапию.

Надо сказать, у Гу Уюаня была выдающаяся статья. Даже в маске он не терял благородной осанки, напоминая айсберг в Антарктике — неброский, но неотразимо притягательный.

Из-за расположения клиники на улице было мало прохожих, но, едва они вышли, на них тут же устремились взгляды. Пэн Цзэфэн нахмурился, достал машину из гаража.

Поездка заняла около получаса. Пэн Цзэфэн припарковался в подземном гараже, затем они минут пять шли пешком и остановились перед рестораном с хого.

— Вы не против хого? — уточнил он.

Гу Уюань кивнул:

— Не против.

Они взяли маленький отдельный кабинет. Поскольку Гу Уюань попросил не прерывать разговор, беседа началась только после того, как принесли все заказанные ингредиенты.

— Вы едите лёгкий бульон? — спросил Пэн Цзэфэн.

— Нет, я предпочитаю очень острый, — ответил Гу Уюань.

— Тогда зачем заказали двойной котёл?

— На случай, если вам острый не понравится. Я мог бы добавить немного острого бульона в вашу часть.

— Не нужно, — отказался Пэн Цзэфэн.

Он нечасто ел острое, но в хого всегда выбирал среднюю остроту — для него это был идеальный баланс. Однако после жизни с Сюй Юанем его вкусовые привычки стали куда умереннее; глядя на его ежедневное меню, можно было подумать, что он строго следует какой-то оздоровительной диете.

Может, стоит попробовать и лёгкий бульон в хого? — мелькнуло у него в голове.

— Я, честно говоря, завидую тем, кто предпочитает пресное, — сказал Гу Уюань.

— Угу, — откликнулся Пэн Цзэфэн.

До сих пор тот вёл себя настолько нормально, что Пэн Цзэфэн начал сомневаться, не пациент ли здесь он сам. Наконец-то сейчас начнётся главное? Судя по поведению, его собеседник — человек исключительно чуткий и заботливый, но таким как раз чаще всего нужна такая же забота. Что же за тип перед ним?

— Потому что всё, что я ем, отдаёт привкусом... мужского, понимаете. Поэтому я могу есть только то, что притупляет вкус.

— Ваша проблема связана с этим? — уточнил Пэн Цзэфэн.

Вообще, к пациентам, которые так откровенно признаются в своих проблемах, он питал симпатию: они сами себя понимают, готовы смотреть правде в глаза, и с ними многое можно обсуждать напрямую — это сильно упрощает лечение.

Иначе даже ему, Пэн Цзэфэну, каждый раз приходилось бы ходить вокруг да около или проводить дополнительные расследования, что довольно утомительно. Ведь слова родных и друзей не всегда достоверны, их можно использовать разве что как ориентир. Некоторые

пациенты мастерски скрывают правду, и, если они сами не раскроются, докопаться до сути бывает крайне сложно.

Гу Уюань, судя по всему, был как раз из таких «откровенных», и его готовность сотрудничать значительно облегчала работу.

— Да. Из-за этого я совершил нечто... как бы сказать... что принесло мне радость, но сделало мою жизнь ещё бессмысленнее.

— Хотите рассказать мне об этом? — спросил Пэн Цзэфэн.

Гу Уюань ничего не ответил, лишь положил ему в миску пару кусочков обваренной говядины.

— Если можно, я бы хотел сначала поговорить о другом. За потраченное время я, разумеется, доплачу.

— Если результата не будет, я денег не возьму, — сказал Пэн Цзэфэн.

Единственным, с кого он до сих пор не взял ни копейки, оставался тот самый юный пациент, на которого он потратил почти три месяца и в которого впутались его собственные чувства, — и всё без толку. Сюй Юань был первым, кого Пэн Цзэфэну не удалось вылечить. Хоть тот и обещал «играть роль послушного ребёнка», но как долго продержится эта игра? Голова шла кругом.

<http://bllate.org/book/16276/1465374>